

отношениях. Из семи писем, которые Лабланшери после этого отправил Франклину, шесть содержат льстивые попытки уговорить его вновь почтить собрание своим присутствием.¹⁸ «*Aurions-nous eu le malheur de vous déplaire?*» — спрашивает он в одном письме. «*Il y a si longtemps que je n'ai eu l'honneur de vous voir présider notre assemblée!*» — пишет он в другом. В январе 1779 г. Лабланшери послал Франклину два письма с просьбой посетить первое собрание в новом году, а позднее написал третье, где выражалось сожаление по поводу его отсутствия и вновь высказывалась надежда увидеть его на ближайшем собрании.

Приглашение, которое получил Фонвизин, говорит не только о том, что Лабланшери стремился привлечь на свои собрания любого оказавшегося в Париже знаменитого иностранца, — оно свидетельствует о вполне, по-видимому, искреннем интересе к России. Можно лишь приблизительно предположить, с кем еще из русских Лабланшери был знаком лично. Если верить Фонвизину, Лабланшери был каким-то образом связан с князем Иваном Сергеевичем Бярятинским — русским послом во Франции в 1773—1785 гг. — и с графом Александром Сергеевичем Строгановым. Он довольно близко знал также князя Александра Михайловича Белосельского-Белозерского, — тот даже подарил ему свой портрет, который Лабланшери демонстрировал на одном из своих собраний, получив известие о назначении Белосельского советником посольства при саксонском дворе.¹⁹ Среди первых опубликованных в новом журнале материалов (в 1779 г.) была переписка с доктором Антонио Нуньесом Рибейро Санчесом, бывшим лейб-медиком русской императрицы.²⁰ В своем письме к доктору Санчесу Лабланшери объясняет возникновение своего «центра корреспонденции» тем, что он столкнулся с большими трудностями, когда пытался — тщетно —

---

¹⁸ В седьмом по счету из этих писем (от 14 сентября 1778 г.), которое Лабланшери написал почему-то не на своем родном французском языке, а на сильно галлизированном английском, он ни словом не упоминает о своих собраниях. Вместо этого он распространяется об уважении и дружеских чувствах, которыми он проникся к Америке за два года, проведенных в Филадельфии, сетует, что по возвращении домой не мог найти работы (событие по меньшей мере пятилетней давности!), и просит Франклина подыскать ему какое-нибудь занятие. Тут же он добавляет, что если Франклин и Соединенные Штаты откажутся от его услуг, он немедленно переедет в Лондон — столицу страны, которая в то время была врагом как Соединенных Штатов, так и Франции (письмо хранится в библиотеке Американского философского общества в Филадельфии).

¹⁹ «*Les Nouvelles de la république des lettres et des arts*», № 21 (6 июля 1779 г.), стр. 167 и № 29 (31 августа 1779 г.), стр. 229

²⁰ Там же, № 3 (9 февраля 1779 г.), стр. 13—15, и № 8 (16 марта 1779 г.), стр. 49—50. Доктор Санчес, по происхождению португалец, был автором труда: О парных российских банях, поелику споспешествуют они укреплению, сохранению и восстановлению здоровья. Переведено с французского рукописания, доставленного имп. Воспитательному дому, для изд. в пользу Общества. «Санктпетербург», печатано при имп. Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1779.